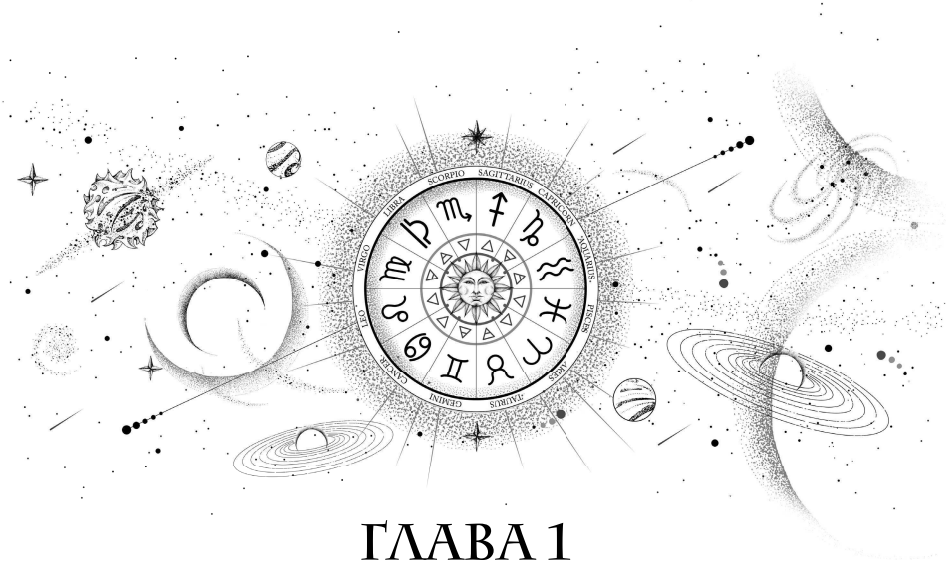

*Посвящается Тейлор Свифт,
пополнившей ряды
моих любимых рассказчиков,
когда соседка по комнате распевала
«Fearless», спрятавшись в ванной*

ГЛАВА 1

Я полагала, что никогда не испытаю такой невыносимой боли, как во время занятия любовью с Солнцем.

Родить Его ребенка было во сто крат хуже.

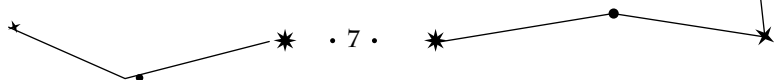
Однако моя история берет начало немного раньше и заканчивается задолго после.

Что ж, приступим.

Еще не настала пора, когда кукуруза достойна внимания птиц, поэтому поля не нуждались в пугалах. Впрочем, им вовсе не обязательно пылиться в сараях, а можно найти применение.

Я выскользнула из рощицы, босоногая, с завязанным вокруг икр подолом платья. Волосы рассыпались по плечам, и когда я, пригнувшись, бежала

к дому фермерши Мэй, несколько прядей зацепились за ресницы. Она жила на окраине Эндживера, моей малой родины — деревни, расположившейся в лесу Хелканара, прямо в середине, если верить картам того времени.

— С ума сошла? — прошипела за спиной сестра, на два года меня младше. — Тебя же заметят!

— Тогда поторопись! — прошептала я в ответ, не отрывая глаз от кухонного окна — большого и распахнутого, однако пока за ним никого не было видно.

Приблизившись к дому, я опустилась на колени. Подол платья тут же пропитался грязной водой из лужи от вчерашнего дождя. Что поделаться: порой нужно испачкаться, чтобы провернуть удачную шутку. Иначе никак. Вот почему Идлиси не справилась бы сама: слишком чистоплотна.

Я жестом позвала сестру за собой. Ее голубые глаза казались огромными на бледном лице. Спеша ко мне, она не отрывала взгляда от окна. Затем посетовала, как и всякий раз, когда я уговаривала ее на очередную забаву:

— Поверить не могу, что я согласилась! Матушка осерчает.

Я шикнула на нее.

— Делай, как говорю, и она ничего не узнает.

Идлиси посмотрела на меня сердито.

— Разве кто-то еще на такое способен?

Я помолчала, раздумывая. Да, за мной закрепилась определенная слава, а Эндвивер был деревенькой маленькой: подозреваемых в шалости не так уж много.

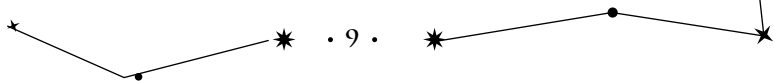
— Тодрик?

Идлиси закатила глаза.

Ухмыльнувшись, я осторожно прошла вдоль дальней стены дома, приостанавливаясь из-за внезапного шума, но то была лишь старая корова, бившая хвостом по обветшалой ограде. Наконец показалась моя цель — узкий сарай, примыкавший к стене прямо у задней двери.

Когда мы приблизились, Идлиси замерла. Если бы кто-то решил выйти из дома, нас бы поймали. Впрочем, я тогда просто выпрямилась бы и заявила, что ищу пропавшую курицу. Сестра же... она, скорее всего, расплакалась бы и сразу выложила все без обиняков, и вопроса не дождалась. Тем не менее, шалить в компании гораздо веселее, а Кан участвовать отказывался, мол, взрослый для таких игр. Да и вообще, он был занят: строил наш дом, куда мы с ним переедем через пять месяцев, после того как мне исполнится двадцать, что в Хелканаре считалось возрастом для брака. Нас сосватали, когда мне было двенадцать, а ему — четырнадцать.

От мыслей о Кане настроение улучшилось, и я улыбнулась. Подойдя к двери сарая, я подняла щеколду.

Позади беспокойно переминалась с ноги на ногу Идлиси, которая была готова при малейшей опасности рвануть в лес.

Когда я убрала с пути грабли и лопату, мне улыбнулась моя цель — пугало. Старое, с порванной на плечах рубахой, пуговицы давно ушли на другие нужды, тем не менее оно было большим и жутким — самое то.

— Помоги-ка, — прошептала я сестре.

Та, крадучись и трясясь от страха, вошла в сарай и схватила вытянутую руку пугала, я взяла другую. Вместе мы вытащили беднягу на свет. Было некогда возвращать инструменты или закрывать сарай: фермерша Мэй скоро выйдет из дома.

Едва сдерживая смех, я подтолкнула Идлиси, и на полусогнутых мы потащили пугало к главному входу мимо кухонного окна. Я спешно поднялась по двум деревянным ступенькам крыльца, и сестра, которая наотрез отказалась снимать обувь, с топотом проследовала за мной. Вновь шикнув на нее, я подтолкнула их с пугалом к щели в половицах. Я заметила ее вчера, когда приходила за маслом, именно тогда в голове родилась эта задумка. Щель идеально вмещала древко пугала.

Потребовалось больше усилий, чем следовало ожидать, чтобы закрепить эту штуковину: из дома послышался шум, Идлиси, пискнув, бросила пугало и кинулась наутек, оставив меня доделывать

все самой. И вот, наконец засунув палку в щель, я, едва сдерживая смех, постучала в дверь и метнулась вслед за сестрой, стараясь укрыться в роще прежде, чем мне откроют.

Я успела нырнуть в заросли до того, как меня заметили, но не успела обернуться и насладиться выражением лица фермерши Мэй. До меня лишь донесся ее крик.

Я рассмеялась и припала лбом к молодой весенней траве.

— Ох, как же нехорошо мы поступили! — воскликнула Идлиси.

По округе разнесся громогласный голос фермерши Мэй:

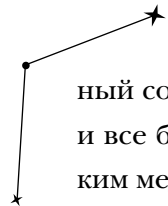
— Вендины! Я знаю, это вы! Живо вернитесь!

— Говорила же! — сестра выглядела так, будто ее вот-вот стошнит. — Спаси нас Солнце, она идет сюда!

Все еще смеясь, я схватила Идлиси за руку и потащила в глубь леса, танцуя по знакомым тропинкам. Сестра умоляла притормозить, но я не слушала, зная секрет леса: пока виднеется шпиль собора, вы никогда не заблудитесь. Поэтому я уводила нас все дальше, удерживая в поле зрения медный наконечник, который нырял все ниже к верхушкам деревьев.

Как и в большинстве городов Хелканара, нашей главной достопримечательностью был кафедраль-

ный собор на северо-востоке. Круглой формы, как и все божественное, с садом лилий в центре и ярким медным шпилем над юго-западным входом. Его построили еще до моего рождения, и, несомненно, он простоит долго после моей смерти, созданный преданными, верными и забытыми руками. Поговаривали, что витражи изготовил мой прапрадедушка. Я не обращала на собор особого внимания: когда растешь так близко к красоте, ее легко проглядеть.

К счастью, мой будущий дом располагался недалеко от фермы Мэй, и вскоре мы вынырнули из леса к его уже возведенным стенам. На перекладинах крыши сидел Кан, укладывая солому. Он обернулся, уголки рта тронула улыбка.

— Ох, Церис... Что ты опять натворила?

Я просияла: внимание жениха грело сильнее самого Солнца.

— Ничего особенного!

Издали донесся очередной крик фермерши Мэй. Кан нахмурился.

— Точно ничего?

Я развязала узел на перепачканном платье, и подол тут же разошелся веером.

— Всего лишь поставила у двери фермерши Мэй ее пугало. Мы его только немножко подвинули!

Кан усмехнулся. Идлиси нервно кусала ноготь большого пальца, как будто боялась, что фермерша Мэй в наказание изобьет нас лопатой.

Заложив руки за спину, я покосилась на Кана.

— А у тебя как дела?

— Лучше, чем будут у некоторых, — его внимание вернулось к крыше.

Я пожала плечами.

— Маме все равно, что я делаю.

По крайней мере, в последнее время. Она начала отдаляться от меня после моей помолвки. Иными словами, она теперь считает, что я больше не ее забота. Иногда я сравнивала себя с коровой, у которой закончилось молоко и сейчас занимает место на заднем дворе, пока ее не продадут на мясо.

— Я не тебя имел в виду.

Идлиси принялась грызть ноготь уже на указательном пальце.

Я вздохнула. Обо мне-то мама не волновалась, а вот семнадцатилетней Идлиси еще предстояло подыскать пару. Среди местных почти не осталось холостяков, и отец, будучи смотрителем собора, не любил надолго отлучаться от деревни, даже для того, чтобы устроить будущее средней дочери. Ему придется скоро начать поиски, однако время еще оставалось: сестра сможет выйти замуж только через три года.

Внезапно по округе разнесся лающий голос матушки. Разумеется, она поняла, что мы спрятались в моем будущем доме — больше-то особенно негде.

— Идлиси Вендин! — мама приближалась к проему, в котором вскоре будет входная дверь. Кан

сочувствовал нам. Сестра со слезами на глазах сердито посмотрела на меня, прежде чем выйти. Я последовала за ней.

— Теперь ты донимаешь фермершу Мэй? А? — мама выглядела утомленной, морщинки вокруг глаз углубились. — Ты уже взрослая для таких шалостей!

— Мы никого не донимали, — сказала я в слабой попытке оправдать наш поступок. — Просто перенесли пугало с одной стороны дома на другую. И можем вернуть обратно.

— Непременно вернете! — Мама смотрела только на Идлиси. Она схватила бы ее за ухо, если бы Кан — и, вероятно, некоторые деревенские — не наблюдали. — И сегодня больше никуда не пойдешь, займешься делами по дому, раз у тебя столько свободного времени.

Мне было невыносимо видеть, как сестра получает нагоняй, притом что мне и слова не сказали, хотя именно я придумала шутку и подбила на нее Идлиси.

Я встала перед ней, вынуждая маму обратить внимание на меня.

— Я сама уберу пугало и помогу вам по дому, если вы настаиваете.

Матушка нахмурилась, глядя на меня, словно ее утомляло одно мое присутствие.

— Почему бы тебе просто не оставить ее в покое? — затем она обратилась к Кану: — Извини, что мы ругаемся при тебе.

Кан добродушно улыбнулся.

— Ничего, миссис Вендин.

Вздохнув, мама взяла Идлиси за руку, вынуждая меня отступить. Понутив голову, сестра последовала за ней домой.

Едва они ушли, Кан отложил инструменты.

— Ты легко отделалась.

Я скрестила руки на груди.

— Как обычно.

Я всегда отличалась от сестер. Как по мне, правила существуют для того, чтобы их нарушать и менять, если они мешают счастью — моему ли или чужому. Я хотела веселиться. Несомненно, поэтому-то родители и обручили меня в столь юном возрасте: во-первых, чтобы связать ответственностью, но также для того, чтобы перекинуть на кого-то другого бремя меня контролировать. Едва заключили соглашение, они перестали обо мне думать. Что бы я ни делала, я оставалась недоющей коровой на заднем дворе, которая через окно наблюдает, как сестра вновь принимает удар за нее.

В следующий раз я не смогу взять ее с собой. Слишком болезненны последствия. Тогда я еще не догадывалась, насколько правдивыми окажутся эти слова и насколько огромная пропасть развернется между нами.